

КУМУЛЯЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ: ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОСЕССИВА В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ¹

А. И. Кузнецова

Обычно считается, что в языках агглютинативного типа, к каковым относятся (с некоторыми оговорками) уральские языки, наблюдается бóльшая, чем во флективных языках, определенность и однозначность формы. Однако, при ближайшем рассмотрении данных языков в них обнаруживается ряд черт флективного строя, прежде всего таких, как кумуляция грамматических значений в некоторых суффиксальных показателях и фузионные процессы на стыках морфем и в корнях.

Во многих языках дейктические и посессивные значения тесно связаны между собой: посессивные формы используются для выражения анафорической связи между первым и последующими упоминаниями лица или предмета. Дейксис существует и на грамматическом, и на лексическом уровнях (как, впрочем, и посессивность) во всех уральских языках, но выражается по-разному. В отличие от большинства языков данной семьи в мордовских имеется специальное указательное (определенное) склонение, благодаря чему отпадает необходимость выражать дейксис на грамматическом уровне с помощью анафорической отсылки, как это делается в других языках.

Посессивность почти во всех уральских языках – грамматическая категория, реализующаяся в трехчленной системе оппозиций; система обладает четкой структурой: противопоставлением друг другу рядов личных форм единственного и множественного чисел. В показателе посессивности обычно наблюдается синкретизм: лично-притяжательные суффиксы означают не только принадлежность, но и определенность; они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функции, конкретно устанавливаемые лишь из контекста, и некоторые другие. При этом в одних уральских языках показателями посессивности выражаются все перечисленные грамматические значения, в других – лишь часть из них. Значения данной категории образуют своеобразную семантическую сеть, в которой можно выделить разные зоны: четко противопоставленные друг другу и пересекающиеся, древние и новые, сильно или слабо зависимые от контекста и т. д. Собственно посессивное (притяжательное/принадлежностное) значение в силу своей максимальной независимости от контекста, высокой частоты встречаемости, легкости восприятия является ядром грамматической категории. По отношению к нему как к центру значения дейктическое (указательное, или демонстративное), детерминативное (определенное), интенсивное (усилительно-выделительное) и другие будут составлять периферию всей семантической области анализируемой граммемы.

В данной статье речь пойдет только о тех – часто едва уловимых и с трудом различимых – вторичных функциях посессива, которые соотносятся со словами в тексте,

¹ Настоящая статья, впервые опубликованная в сборнике «Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Сб. ст.» (Под ред. П. Суйхконена и Б. Комри. Ижевск; Лейпциг, 2003. С. 249–259), издается здесь вторично с согласия редакторов. Нами были внесены небольшие изменения, касающиеся способа представления примеров и сокращений. — *Прим. ред.*

имеющими общий с ними референт. Это прежде всего **дейктические значения** (указательно-выделительное, усилительное, близкое к ним значение определенности), сопутствующие основному значению принадлежности.

Анафорические отношения, существующие между посессивностью и дейксисом, выявляются в речи с помощью притяжательных суффиксов, как правило, 3-го лица единственного / множественного чисел, реже – 1-го и 2-го лица. В **марийских языках** (в частности, в горно-марийском) анафорическое употребление посессива в указательно-выделительном значении особенно отчетливо видно в случаях присоединения суффиксов посессива к существительному, уже оформленному притяжательным суффиксом. В случае наличия в слове сразу двух суффиксов посессива первый имеет собственно принадлежностное значение, а второй приобретает дейктическое значение, дополнительно выделяя обладателя; иначе говоря, – относится именно к показателю притяжательности, а не к существительному (обладаемому), им оформленному:

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

(1) **ўдыр-ем-же**

дочь-1SG-3SG

а. *моя-то² дочь*

б. *дочь моя-то*

У Г. М. Тужарова [1987: 67] перевод «дочь-то моя» предполагает эмфатическое выделение обладаемого, а не обладателя.

(2) **Савик-ын äва-же-т³**

Савик-GEN мать-3SG-2SG

Савика, мать его-то⁴.

Судя по переводам на русский язык, приведенным Г. М. Тужаровым, этих и других примеров, можно предполагать, что притяжательные аффиксы в роли эмфатических указательных частиц определяют обладаемое (дочь, Савик), в то время как правильное говорить об отношении конечных суффиксов к обладателю (я, он). При этом оказывается, что неотчуждаемая/отчуждаемая собственность даже в группе имен родства в зависимости от точки отсчета (фокуса внимания) может меняться: с позиции родителей, дети – их собственность, а с позиции детей – в точности наоборот.

В отличие от примеров (1) и (2), во многих случаях требуется контекст, только благодаря которому становится очевидным, что суффикс притяжательности выполняет анафорическую функцию, обычно указывая на кого/что-либо при вторичном упоминании о предмете или человеке (причем может быть использован суффикс любого из трех лиц, иногда придающий пейоративный смысл объекту высказывания):

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(3) **Савва Иваныч-ет ну и йў мемна-н вўр-ым!**

Савва Иванович-2SG ну и пил мы.OBL-GEN кровь-ACC

Савва Иваныч-то (букв. «твой»), ну и пил нашу кровь!

² Нередко один и тот же пример, как приведенный в данном тексте, разные авторы интерпретируют различно при сходных контекстах: то как имеющий указательное значение [Тужаров 1987: 67], то как значение определенности [Коведяева 1993: 155], что лишний раз свидетельствует о близости этих значений.

³ По мнению авторов Предисловия к Марийско-русскому словарю В. М. Васильева, А. А. Саватковой и З. В. Учаева, «притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч. часто употребляется в значении русской указательной частицы *-то*» [1991: 473], тогда как Г. М. Тужаров допускает подобное дополнительное значение суффикса притяжательности и у суффиксов 2-го и 3-го лица [Тужаров 1987: 66], как в примерах (1), (2).

⁴ У Г. М. Тужарова [1987: 67] перевод дан без частицы: «мать Савика».

При использовании посессивного суффикса часто бывает трудно разграничить указательно-выделительное и усилительно-выделительное анафорические значения, как, например, в репликах диалога (в котором речь шла о женихе общей подруги), записанного мною в с. Старый Торъял новоторъяльского диалекта лугово-восточного марийского языка:

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЪЯЛ)

(4) Мәҗ om pale ala-mo.
я NEG.PRS.1SG знать INDEF-что

– Saša-že, pal-et.

Саша-EMPH знать-PRS.2SG

Я не знаю, что-то. – Саша-же (-то), знаешь (ведь).

В приведенных примерах суффикс выполняет функцию постпозитивной частицы со значением усилительно-выделительным. Однако нередко посессивный суффикс полностью десемантизируется, что обычно происходит при употреблении суффиксов 1-го и 2-го лица, как в следующем примере, взятом из указанной книги Г. М. Тужарова (здесь и в следующем примере из коми языка глоссируются лишь слова с анализируемыми аффиксами и дается пословный перевод всей фразы): **л.-мар.** *Ваштарешы-же офицер шинча... Мый вигак омсаиш пурен шогальым. «Руки вверх!» – кычкырем. Саде офицер-ем (1SG) йӧршын шулыш.* «Напротив-нее (женщины — А. К.) офицер сидит... Я сразу в дверь вошел. «Руки вверх!» – кричу. Тот офицер-мой совершенно обмяк»⁵. Впрочем, сам Г. М. Тужаров считает, что в данном примере показатель посессива 1-го лица единственного числа при повторном употреблении слова выполняет эмфатическую функцию [Тужаров 1987: 68].

В других финно-угорских языках посессивные показатели также используются в качестве усилительно-выделительных или указательных суффиксов, выполняющих функции эмфатических указательных частиц. Но при употреблении притяжательных суффиксов в указательно-выделительных значениях, дополнительных к функции посессивности, суффиксы посессивности 2-го и 3-го лица единственного числа указывают не на посессора, а на предмет, заслуживающий обращения на него внимания.

Так, в **коми** языках носителями дейктической функции могут служить суффиксы принадлежности, в основном, 2-го и 3-го лица. Даже при именах родства, обычно выражающих принадлежность, показатель посессива далеко не всегда выступает в качестве лично-притяжательного суффикса. В примере *Промыс нуны ӧти арӧ бать-ыс (отец-NOM-3SG) мӧдӧдчис со карӧ. Сійӧ пи-ян-ыс-лы (сын-COLL-3SG-DAT) шуӧ: «Сьӧрсьым вузӧс уна нуа».* «Одной осенью отец-его отправился в город продавать добычу. Он сыновьям-своим сказал: “С собой везу много товара”». Г. Ю. Кожевин справедливо считает суффикс *-ыс* в словоформе *бать-ыс* указательным на основании того, что «обозначенное лицо не соотносится с реальным посессором; здесь отец будет таковым для всех трех (по контексту) сыновей, а не только одному из них, как можно было бы предположить из суффикса *-ыс*. А в словоформе *пиян-ыс-лы* ‘своим сыновьям’ суффикс *-ыс* соответствует посессору *бать* ‘отец’» [Кожевин 2000: 98-99]. По мнению Г. Ю. Кожевина, «если форма с суффиксом *-ыд* (посессив 2-го лица единственного числа – А. К.) встречается в монологической речи, то она, вне сомнений, является указательной, так как в данном акте коммуникации лицо, с которым бы осуществлялась речь, отсутствует, например: *...а мӧдыслӧн кӧдзалӧма нин пусян пӧрты-ыд ли рач-ыд* «...а у другой уже остыли котел да сковорода» [Кожевин 2000: 98]. Более вероятно, что здесь, как и в приводимом ранее примере из марийского языка (*офицер-ем*), произошла полная десемантизация суффикса принадлежности: *-ыд* стал избыточным, утратив всякое

⁵ Не исключено, что и в примере (3) тоже можно говорить о десемантизации суффикса *-ет*.

значение, и это отражено в переводе, так как никакие указательные местоимения или частицы при словах «котел» и «сковорода» не используются.

В удмуртском языке, где подобно волжским и другим пермским языкам также есть анафорические значения у посессивных суффиксов, показатели *-эз/-ыз* (посессивы 3-го лица единственного числа) (чаще других) и *-зы/-сы* (посессивы 3-го лица множественного числа) выполняют указательные и выделительные функции при соединении не только с существительными, но и с прилагательными, когда необходимо выделить одно из нескольких однородных лиц (см. [Сий 1998: 124–125]):

УДМУРТСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

- (5) Бускель-ёс-лэн бадзым-эз пи-зы арми-ысь
сосед-PL-GEN старший-3SG сын-3SG армия-EL
берт-й-з ини.
вернуться-prt-3SG уже

Соседей старший-то сын-их из армии вернулся уже. [Сий 1998: 124–125]

В пермистике наряду с высказанной точкой зрения на дейксис как на дополнительную функцию посессива есть и другое мнение на этот счет, большинством лингвистов, однако, оспариваемое. В финно-угроведении давно обсуждается вопрос о существовании самостоятельной выделительно-указательной категории в удмуртском языке, особенно подробно рассмотренный В. И. Алатыревым в его докладе на III Международном конгрессе финно-угроведов в Таллинне [Алатырев 1970]. Основания для этого имеются, и сводятся они к ряду особенностей употребления (преимущественно в диалектах) показателей, посессивных в своей основе: выделительно-указательная категория представляет собой присоединение посессивных суффиксов (*-эз* или *-ыз*) не к номинативу, а к формам косвенных падежей. Например, фраза *Казаньысь лыктэм инженер ми дорын пуке* «Из Казани приехавший инженер у нас сидит» превращается в *Казань-ыс-ез* (Казань-EL-3SG) *ми дорын пуке* «Из-Казани-то у нас сидит», или иначе – «тот, (который) из Казани» [Алатырев 1970: 78]. По мнению В. И. Алатырева, «выделительно-указательный аффикс образует в слове второе семантическое ядро, соответственно имеет свою парадигму» [Алатырев 1983: 586]. Это хорошо видно при сравнении примеров (6) и (7), взятых из «Краткого грамматического очерка удмуртского языка», написанного В. И. Алатыревым:

УДМУРТСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

- (6) а. Иван-лэн-эз
Иван-GEN-3SG
тот, принадлежность Ивана

б. Иван-лы-эз
Иван-DAT-3SG
тот, предназначенный Ивану

в. Иван-эн-эз
Иван-INSTR-3SG
тот, с Иваном

- (7) а. Иван-лэн-эз-лы
Иван-GEN-3SG-DAT
тому, который принадлежит Ивану

б. Иван-лэн-эз-тэк

Иван-GEN-3SG-ABESS

без того, который принадлежит Ивану

в. Иван-лэн-эз-лэсь

Иван-GEN-3SG-ABL

от того, который принадлежит Ивану

В словоформах (6) склоняется имя *Иван*; в (7) падежные морфемы, занимающие конечную позицию, относятся, как считает В. И. Алатырев, к суффиксу *-эз*, выделяющему кого-то, а не к имени *Иван*, оформленному генитивом в притяжательной форме (по В. И. Алатыреву, адессивом на *-лэн* — А. К.). Точнее в данном случае было бы сказать, что показатель падежа относится к целому морфемному блоку *-лэн-эз*, который вкупе с корнем («тот/то, принадлежность Ивана; Ива́нов») становится производящей основой, служащей для образования новой словоформы (датива, инструменталиса и других падежей). Полученное таким способом при последовательном нанизывании суффиксов притяжательности промежуточное слово-конструкция будет обладаемым по отношению к предшествующему имени и обладателем (посессором) по отношению к последующему. Переводы подобных конструкций часто представляют большие трудности, что видно из следующего примера:

- (8) Шур ул-ын Гарась Петька-лэнь-ёс-ыз-лэнь-ёс-ыз
река(NOM) низ-INESS Герасим Петька-GEN-PL-3-GEN-PL-3

куаш кар-о.

галдеть делать-PRS.3PL

У речки (внизу) внуки Федора Герасимовича (перевод мой — А. К.); то есть дети детей, букв. Тераси-ма-Федьк-и-ихн-их-ихн-ие) шумят.

В. И. Алатырев вместо перевода обычно прибегает к перифразам, используя придаточные предложения и указательные местоимения. Приведенный пример у него выглядит в переводе так: «У речки шумят те, которые являются детьми сыновей (дочерей) Федора Герасимовича», а буквальный звучит как «Под речкой шум делают те (из них), принадлежащие тем (из них) являющимся Федора Герасимовича» [Алатырев 1970: 10]. Буквальный перевод показывает, что по-русски автор трактует интересующий его суффикс все-таки не как выделительный, а как показатель принадлежности. Обсуждая проблемы трудностей перевода подобных (но более простых) конструкций, Энико Сий [1998: 127] склоняется к тому, чтобы вернуться к переводам Библии:

- (9) піосмурт-эз-лэн анай-ез-лэсь
муж-3SG-GEN мать-3SG-ABL

от матери ее мужа (= от ее свекрови)

что, возможно, разумно для имен родства и свойства, представляющих неотчуждаемую принадлежность, но далеко не всегда осуществимо в более сложных случаях. В результате нанизывания посессивных суффиксов, выполняющих одновременно выделительно-указательную функцию, возникает сложная цепная притяжательная конструкция, которая в целом может быть интерпретирована в одних случаях как адъективированное существительное, в других – как субстантивированное прилагательное.

Исследованные В. И. Алатыревым выделительно-указательные конструкции, выраженные суффиксом притяжательности (по сути своей кумулятивным) и квалифицированные им как самостоятельная грамматическая категория [Алатырев 1983: 586–587], частично напоминают посессивные формы адъективной репрезентации

существительных в северных говорах **селькупского** языка, где возможно регулярное образование отыменных прилагательных на *-l'* (например, *qaqly* «нарта», *qaqlyl'* «нартенный»), способных склоняться подобно существительным [Кузнецова и др. 1980: 190–196; Гашилов 1988]:

СЕЛЬКУПСКИЙ

(10) а. *qaqlō-qyl'* (< *qyn + l'*) *qum-yt*
 нарта-LOC.ATTR LOC ATTR человек-PL
в нарте находящиеся люди (букв. 'в-нартенные люди')

б. *qaqla-qäl'* (< *qäk + l'*) *qum-yt*
 нарта-LOC.1SG.ATTR LOC.1SG ATTR человек-PL
в моей нарте находящиеся люди (букв. в-моей-нартенные люди)

в. *qaqla-qänty-l'* *qum-yt*
 нарта-LOC.2SG-ATTR человек-PL
в твоей нарте находящиеся люди (букв. в-твоей-нартенные люди)

Данное предположение, впрочем, требует более внимательного рассмотрения.

В селькупском языке в сказках можно найти множество примеров использования посессива в качестве анафорической отсылки к указательной функции суффикса [Кузнецова и др. 1993]. Дейктическое значение регулярно появляется при вторичном упоминании о ком/чем-либо, как в примерах (11) и (12) [Кузнецова и др. 1993: 28; 36–37]:

(11) *Ukkyr ira il-ympa pely-kōlyk.*
 один старик жить-PRT.NARR-3SG товарищ-CAR
ukkyr pōr pō-qynu mōt-ty qorqu
 один раз снаружи/с улицы-EL чум-ILL медведь
šēr-n-a. Ira-ty tom-n(y)-ty:
 войти-PRS-3SG старик-3SG сказать-PRS-3SG.O
 “*Ukkyr-šak il-ent-ī*”.
 один-COLL жить-FUT-1DU

Один старик жил одиноко. Однажды с улицы (снаружи) в чум медведь вошел. Старик-том сказал: «Вместе будем жить».

(12) *Ukkyr conto-qyn nił'cy-l' ira tü-η-a.*
 один середина-LOC такой-ATTR старик прийти-PRS-3SG
kuttar qo-η(y)-ty il'ca-m-ty,
 когда/как увидеть-PRS-3SG.O дед-ACC-3SG
ty tatty-η(y)-ty il'ca-m-ty.
 сюда подвести-PRS-3SG.O дед-ACC-3SG

Однажды такой старик пришел. Когда увидел деда-того, сюда [к костру] подвел деда-того.

Аналогичный пример приведен и в другой работе:

(13) Qolty-t	qanyq-qyn	anty	tott-a,
река-GEN	берег-LOC	челнок	стоять-PRS.3SG
anty-ty	lapy-kōl	ε-η-a.	
челнок-3SG	весло-CAR	быть-PRS-3SG	

На берегу реки челнок стоит, челнок-(э)тот без весла (есть).
[Кузнецова и др. 1980: 187]

Полифункциональность (или многозначность) суффикса посессива часто связывают с наличием противопоставления в языке отчуждаемой и неотчуждаемой (органической) принадлежности. Регулярное посессивное оформление существительных наблюдается в группах слов определенной семантики, имеющих неотчуждаемую принадлежность, таких, как термины родства и свойства; анатомическая лексика; названия предметов личного обихода, небесных светил и др. У слов последних групп показатель личной принадлежности встречается не столь регулярно, как у двух первых. Это объясняется тем, что в древности явления природы, небесные светила связывались в сознании человека с существованием и деятельностью высшего божества (у селькупов это – *Nom* ‘небо, Бог’), которому все в мире принадлежит и от которого все зависит. Отсюда становится понятным употребление посессивных суффиксов 3-го лица единственного числа в наименованиях явлений природы, небесных светил, отрезков времени: *cēly* / *cēly-ty* ‘день, свет, солнце’ (*soma cēly-ty* ‘хорошая погода’); *pō-ty* ‘год’, *qary-ty* ‘утро’, *irä-ty* ‘луна, месяц’. К настоящему времени старое миропонимание (не только у селькупов) в целом утратилось, и постепенно произошло переосмысление значения суффикса принадлежности, который стал трактоваться в словах такого типа как **суффикс** со значением **определенности**, выполняющий артиклеобразную функцию. На это обратил внимание уже М. А. Кастрен, а позднее неоднократно указывали многие исследователи [А. И. Кузьмина 1977; А. А. Ким 1980; Н. М. Терещенко 1966 и др.]. В отдельных случаях некоторые слова, означающие лиц, в сочетании с суффиксами принадлежности приобретают новое коннотативное значение:

(14) а. qum	—	qum-my
человек		человек-1SG
<i>человек</i>		<i>спутник, товарищ, напарник (букв. мой человек)</i>
б. ima	—	ima-my
женщина		женщина-1SG
<i>женщина</i>		<i>жена (букв. моя женщина)</i>
в. ira	—	ira-my
мужчина		мужчина-1SG
<i>мужчина</i>		<i>муж (букв. мой мужчина)</i> [Кузнецова и др. 1980: 18–19; 188]

Естественно, что в этих словах (как, впрочем, и в терминах родства, о чем уже говорилось применительно к волжско-финским и пермским языкам) посессивный показатель нередко приобретает при их вторичном упоминании указательно-выделительное значение, сосуществующее с принадлежностным. Так, в следующем отрывке функция суффикса *-ty* (посессив 3-го лица единственного числа) может быть понята двояко – как значение и собственно посессивное, и дейктическое:

(15) Imaqota	nīl'	tom-n(y)-ty	iraqota-qyn-ty:
старуха	так	говорить-PRS-3SG.O	старик-DAT-3SG
“Koška-l'a-m-ī	illä	qätty-lī”.	
кошка-DMN-1DU	вниз	убить-OPT.1DU	
Iraqota-ty	paŋ-(y)m-ty	sely-mpa-ty.	
старик-3SG	нож-ACC-3SG	точить-PRT.NARR-3SG.O	

Старуха так говорит старику-своему: «Котенка-нашего (давай) убьем». Старик-её (старик-том? Муж? Или просто старик?) нож точил. [Кузнецова и др. 1993: 41]

Очевидно, что если даже в словах, означающих неотчуждаемую принадлежность, возникает указательно-выделительный оттенок, то в случае отчуждаемой принадлежности тенденция к ослаблению признака посессивности и появлению вместо него значения детерминатива или демонстратива усиливается [Ким 1987: 13]. Более того, она становится возможной в определенных контекстах и для слов, применительно к которым вообще трудно говорить о категории принадлежности. В таких случаях собственно посессивное значение элиминируется, суффикс приобретает значение указательного местоимения (типа селькупского *па*) [Кузнецова 1996: 143], которое, в свою очередь, десемантизируясь, постепенно превращается в постпозитивную частицу, что видно и на приведенных примерах из марийского и коми языков со словами *офи-цер-ем; пöртй-ыд, рач-ыд* и что вполне допустимо в последнем примере из селькупского языка.

Помимо значения дейктического (в расширенном понимании как демонстратив-но-детерминативного) уральский посессив может иметь также **вокативное значение**.

В истории удмуртского языка известны, начиная с XVIII в., случаи употребления суффикса посессивности в значении вокатива: *мынам ni-э* (современное *мынам ni-е* «мой сын-мой»), *дыды-э* (современное *дыды-е* «моя голубка») [Каракулов 2000: 47]. В коми языке посессивный суффикс 1-го лица единственного числа *-öй*, как и суффикс *-э/-ы* в удмуртском языке, тоже может выполнять функцию обращения. О звательных суффиксах в **марийских** языках, сохранившихся в терминах родства и свойства и в наименованиях лиц, пишет Йорма Луутонен, подчеркивая их экспрессивный характер: *авай-ем* (мама-VOC.1SG) «мама-моя!» («дорогая мама!») наряду с *авай!* «мама!» [Luutonen 1997: 75–76, 106]. В говоре Старого Торъяла при почтительном обращении к старой женщине говорят *кувай* «тетушка» (*кува* «старуха») и *кувай-ем* (старуха-VOC.1SG), что соответствует обращению «моя дорогая тетушка!»; *ачай-кочай* (парное слово ачай-VOC.1SG-кочай-VOC.1SG, букв. «отцы-деды») *мелна шужо!* «предки/праотцы, пусть блины дойдут (до вас)!», но *ачай-ем-кочай-ем мелна шужо!* означает в день поминовения умерших ласковое обращение к конкретным родственникам. Для аффективных звательных форм (помимо использования посессивных суффиксов) характерно чередование гласных в них, типичное вообще для многих языков мира (ср. [Кодзасов 1975]). Так, в староторъяльском говоре можно услышать не только *авай* и *авай-ем*, но и *авый* (*авый-ем*), *авий* (*авий-ем*) (*ава* «мать»), *акий-ем* (*ака* «старшая сестра; младшая тетка по матери»), *ачийем-авийем*. Парное слово *ача-ава* «родители» в данной звательной форме сохранилось в песне⁶.

Наконец, притяжательный суффикс (напр., в удмуртском языке суффикс 1-го лица единственного числа *-э/-ы*) может обладать значением **субъективной оценки**, а в формах обращения передавать оттенок ласкательности. Как считает В. К. Кельмаков, «удмуртская субъективная оценка имен существительных (дополнение мое — А. К.) базируется на **категории притяжательности**, т. е. на обозначении принадлежности 1-го лица единственного числа: **ласкательно** то, что принадлежит **мне**, является **моим**» [Кельмаков

⁶ Об оформлении парного слова *ача-ава* ‘родители’ суффиксами посессива и падежа подробнее см. раздел П.5 «Тенденция парных существительных к цельнооформленности в луговом марийском языке».

1996: 133]. В этом, по мнению автора, состоит отличие удмуртского языка от русского, в котором ласкательно то, что представлено в уменьшенном виде, о чем свидетельствует и название некоторых суффиксов как уменьшительно-ласкательных. В удмуртском языке вторичное значение притяжательного суффикса встречается в слове (особенно в диалектах, в фольклоре, а в последнее время, и в литературном языке) одновременно с собственно ласкательным суффиксом как усиление, удвоение положительной субъективной оценки: *дяд-и-е* «папенька», *пи-ёк-е* «паренек», *нуны-ка-е-чебере* «дитятко-красавица», причем возможны случаи не только постпозитивного, но и препозитивного положения суффикса притяжательности в функции ласкательности по отношению к суффиксу субъективной оценки, как в словах *лул-ы-ка-е* «душечка», *сюлм-ы-кай-э* «сердечко (мое)»⁷ и др. [Кельмаков 1996: 133]. Приведенные здесь вне контекста примеры, взятые из статьи В. К. Кельмакова, в самом контексте выступают абсолютно все в функции обращения и могут дополнительно квалифицироваться как звательная (вокативная) форма существительного, что сопоставимо с вокативом в марийском языке.

В отличие от В. К. Кельмакова Б. И. Каракулов интерпретирует суффиксы субъективной оценки, развившейся на базе притяжательных суффиксов, как оморфные по отношению к показателю посессивности [Каракулов 2000: 47], ориентируясь, возможно, на положение об однозначности морфем в агглютинативных языках. Но в таком случае придется и другие значения посессивных показателей считать оморфными суффиксам притяжательности. К ним надо будет отнести не только значение вокатива, но и анафорические значения указательно-выделительные (что фактически и делает В. И. Алатырев, не называя, впрочем, их омонимичными), а также значение определенности, усиления.

Однако, несмотря на наличие многих значений у показателя посессива, в настоящее время еще недостаточно оснований для того, чтобы говорить об омонимии суффиксов посессива, дейксиса и детерминатива, а также вокатива, хотя обращение к синтаксису позволяет установить специфику проявления этих взаимосвязанных значений в сфере имени, глагола, отдельных конструкций и целого дискурса. Несомненно другое: можно говорить о кумуляции разных значений в показателе посессива, сходный набор которых встречается во многих (если не во всех) языках финно-угорской семьи: лично-притяжательные (в узком смысле слова посессивные) значения обладания, принадлежности, отношения части к целому сосуществуют со значениями дейктического характера (выделительно-указательное, определенное, усилительное), причем в некоторых группах слов первые значения вытесняются вторыми. Собственно посессивные значения имеют системный характер, а дейктические (в широком понимании) и вокативные – контекстуальный. Суффикс посессива служит анафорической отсылкой к дейксису.

При проведении типологических исследований необходимо не только учитывать данные факты, но и отражать их при глоссировании текста, выделяя конкретные контекстуальные значения или отмечая (что, как правило, не делается) десемантизацию последних.

⁷ Любопытно отметить, что в русских говорах, где нет морфологического выражения посессивности, также существует удвоение уменьшительно-ласкательных суффиксов, их плеонастическое употребление (обычно с чередованием в суффиксах) в пределах одного слова: *гусь* → *гус-ёнок* → *гус-ёноч-ек* и даже *гус-ен-ёноч-ек*; *ручей* → *руче-ёк* → *руче-ёч-ек*; *голов-а* → *голов-к-а* → *голов-оч-к-а*; *рук-а* → *руч-к-а* → *руч-еч-к-а* или *рук-а* → *руч-ёнк-а* → *руч-ёноч-к-а* и т. п. В русском языке способны удваиваться не только диминутивные суффиксы, но и многие другие, например, в древнерусском языке встречаются контактные повторы одного и того же суффикса со значением детёныша (*роб-ич-ичь/раб-ич-ичь* ‘сын рабыни’, *брат-ич-ичь* ‘племянник по брату’, *сестр-ич-ичь* ‘племянник по сестре’, *господ-ич-ичь* ‘сын господина’ и др.) или использование в слове разных суффиксов, обладающих одним и тем же значением abstracta nomina или nomina agentis (*служ-и-тель-никъ*, *врат-арь-никъ*, ср. часто встречающуюся рекуррентную суффикса *-ост/-ость* в современном русском языке типа *благ-ост-н-ость*, *цел-ост-н-ость*) и т. д. [Кузнецова 1987: 38; 1973: 147, 149].

Список литературы

- Алатырев 1970 — *Алатырев В. И.* Выделительно-указательная категория в удмуртском языке (Расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине). Ижевск, 1970.
- Алатырев 1983 — *Алатырев В. И.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка. Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983. С. 561–591.
- Васильев, Саваткова, Учаев 1991 — *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991.
- Гашилов 1988 — *Гашилов А. И.* Адъективные формы существительных в тазовском диалекте селькупского языка: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1988.
- Каракулов 2000 — *Каракулов Б. И.* О проблемах, связанных с категорией посессивности в удмуртском языке // *Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов.* Ижевск: Издательский дом “Удмуртский университет”, 2000. С. 45–48
- Кельмаков 1996 — *Кельмаков В. К.* 1996. Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III.* Jyväskylä, 1996. С. 131–134.
- Ким 1980 — *Ким А. А.* О связи категории притяжательности с категорией определенности в селькупском языке // *Языки и топонимия*, вып. 7. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. С. 100–106.
- Ким 1987 — *Ким А. А.* Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту: Тартуский государственный университет, 1987.
- Коведяева 1993 — *Коведяева Е. И.* Марийский язык. // *Языки мира: Уральские языки.* М.: Наука, 1993. С. 148–164.
- Кодзасов 1975 — *Кодзасов С. В.* Две заметки о звуковом символизме // *Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики 7.* М.: Издательство Московского государственного университета, 1975. С. 148–164.
- Кожевин 2000 — *Кожевин Г. Ю.* Указательные и посессивные значения лично-притяжательных суффиксов современного коми языка // *Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов.* Ижевск: Издательский дом “Удмуртский университет”, 2000. С. 93–100.
- Кузнецова 1973 — *Кузнецова А. И.* Словообразовательный круг в русском языке. // *Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики 6.* М.: Издательство Московского государственного университета, 1973. С. 145–151.
- Кузнецова и др. 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М.: Издательство Московского государственного университета, 1980.
- Кузнецова 1987 — *Кузнецова А. И.* Реликты исчезнувших словообразовательных моделей в морфемной структуре русского языка // *Деривация и история языка.* Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1987. С. 37–47.
- Кузнецова и др. 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект (Учебное пособие). М.: Издательство Московского государственного университета, 1993.
- Кузнецова 1996 — *Кузнецова А. И.* Полифункциональность языковой единицы *na* в языке северных селькупов // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III.* Jyväskylä, 1996. С. 141–144.
- Кузьмина 1973 — *Кузьмина А. И.* 1973. К вопросу о категории притяжательности в селькупском языке // *Происхождение аборигенов Сибири и их языков.* Томск: Издательство Томского университета. С. 68–70.

- Сий 1998 — *Сий Э.* Термины родства и свойства в удмуртском языке. Budapest: Akademiai Kiado, 1998.
- Терещенко 1966 — *Терещенко И. М.* Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. III: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 376–395
- Тужаров 1987 — *Тужаров Г. М.* Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1987.
- Luutonen 1997 — *Luutonen J.* The variation of morpheme order in Mari Declension // Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 226. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.